

Д. Б. Мертваго

Записки Дмитрия Борисовича Мертваго
1760-1824

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Д11

Д11 **Д. Б. Мертваго**
Записки Дмитрия Борисовича Мертваго: 1760-1824 / Д. Б. Мертваго – М.: Книга по Требованию, 2016. – 180 с.

ISBN 978-5-518-00339-2

ISBN 978-5-518-00339-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

сердца. Черезъ нѣсколько времени онъ уѣхалъ въ Крымъ, опять на новую службу, и я до 1808 года его не видалъ.

Въ 1808 году я нашелъ въ Петербургѣ своего крестнаго отца уже женатымъ, постарѣвшимъ и перемѣнившимся. Беззаботной веселости въ немъ уже не было. Онъ служилъ тогда генераль-провіантмейстеромъ, и хлопотливая, тяжелая эта должность, казалось, очень его озабочивала. Въ послѣдствіи я узналъ, что находились другія причины, отъ которыхъ служба была для него такъ невыносимо-тягостною. Реподкупная его честность была извѣстна всѣмъ; но не всѣмъ, можетъ быть, было извѣстно, до какой строгости и чистоты возводилась эта честность во всѣхъ его служебныхъ отношеніяхъ: могъ ли такой человѣкъ не имѣть враговъ по службѣ? Онъ встрѣтилъ мое семейство, какъ старинный другъ, а меня, если не такъ ласково, какъ желалось моей матери и уже мнѣ, то, по крайней мѣрѣ, очень внимательно; много спрашивалъ меня о Казани, объ университетѣ, о службѣ, въ которую я намѣревался поступить, — но я никакъ не могъ замѣтить, доволенъ ли онъ мною или нѣтъ? Онъ приказалъ только, чтобы я ходилъ въ нему каждую недѣлю.

Первыя мои посѣщенія, послѣ отъѣзда изъ Петербурга моего семейства, ничего хорошаго не предвѣщали. Крестный мой отецъ обыкновенно говорилъ: „А здравствуй! Какъ поживаетъ? Что ни шутъ отецъ и мать? Что подѣлываешь на службѣ?“ Въ словахъ этихъ не слышно было никакого особеннаго участія, и они держали меня въ постоянномъ и холодномъ отдаленіи. Случалось даже, что, выслушавъ мои короткіе отвѣты, онъ говорилъ: „Ну, братъ, мнѣ некогда; ступай къ Варварѣ (такъ звалъ онъ свою жену) и оставайся обѣдать.“ Весьма естественно, что такіе пріемы не могли нравиться молодому человѣку, и я намѣревался уже ограничить мои посѣщенія двумя-тремя праздничными визитами въ годъ, какъ вдругъ случилась слѣдующая перемѣна. Пришелъ я

одинъ разъ къ Дмитрію Борисовичу довольно рано поутру; онъ велѣлъ меня провести въ свой кабинетъ и сказалъ, что сейчасъ придетъ. Я бывалъ въ этомъ кабинетѣ при другихъ, и мало обращалъ вниманіе на окружающіе меня предметы; теперь же, отъ нечего дѣлать, я началъ все разсматривать, и мнѣ кинулась въ глаза небольшая картинка, висѣвшая надъ письменнымъ столомъ моего крестнаго отца: я подошелъ поближе и увидѣлъ, что это былъ видъ деревни „Званки“ и сельскаго дома Гавриила Романыча Державина; внизу находились слѣдующіе четыре стиха:

Средь сихъ лѣсовъ, болотъ и ржавинъ,
Съ безсмертнымъ эхомъ вѣчныхъ скалъ,
Безсмертны пѣсни повторялъ
Безсмертный нашъ пѣвецъ, Державинъ.

Картина была нарисована водяными красками и кѣмъ-то подарена Дмитрію Борисовичу, кажется женщиной. Кѣмъ написаны стихи — до сихъ поръ не знаю. Я былъ страстнымъ почитателемъ Державина; забывшись, съ восторгомъ и довольно громко, повторялъ я эти четыре стиха наизусть, не замѣтивъ, что крестный отецъ стоялъ уже за мною. „А, братъ, ты видно любишь старика!“ сказалъ онъ, и я, покраснѣвъ до ушей, съ волненіемъ высказалъ все, что чувствовалъ и думалъ о Державинѣ, прибавя, что знаю всѣ его стихи наизусть. Хозяинъ изъ любопытства сдѣлалъ мнѣ экзаменъ, и я прочелъ ему двѣ-три піэсы, декламируя на пропалую, по-студентски. „Ого, братъ, сказалъ съ усмѣшкой мой крестный отецъ, — да ты не вадумай въ актеры!“ Онъ посадилъ меня возлѣ себя, чего прежде не дѣлалъ, и рассказалъ про свое знакомство съ Державинымъ, прибавя, что онъ „не только великій стихотворецъ, приносящій честь и славу своему отечеству, но и честный сановникъ, и добрейшій человѣкъ, и что все, что говорятъ про него дурнаго, выдумка подлыхъ клеветниковъ и завистниковъ.“ Съ этого счастливаго утра, я сталъ сблизаться съ моимъ крестнымъ отцомъ. Самъ ли онъ того

пожелалъ, или я, найди въ немъ сочувственную себѣ струну, сталъ искать его расположеніи — не знаю, только черезъ полгода, онъ уже охотно, хотя безъ особенной ласковости, иногда долго говорилъ со мной о своей прежней и настоящей службѣ, объ общественныхъ отношеніяхъ, и горько сѣтовалъ, что мало честныхъ людей, не на словахъ, а на дѣлѣ. Дмитрій Борисовичъ жилъ на Фонтанѣ, въ каменномъ домѣ, или лучше сказать въ третьей части дома, принадлежавшаго его женѣ (урожденной Полторацкой) и сестрамъ ея, Сухаревой и Олениной. Принадлежность владѣнія обозначалась разностью красокъ. Часть Мертваго была палеваго цвѣта. Изъ залы былъ балконъ на набережную; на немъ любилъ сидѣть Дмитрій Борисовичъ, а иногда сиживалъ съ нимъ и я. Одинъ разъ онъ сказалъ мнѣ, указавъ пальцемъ: „Видишь ли ты этого господина, который тащится по набережной, такъ гадко одѣтый?“ Я отвѣчалъ, что вижу. — „Это великой человѣкъ! Это нищій, которому казна должна миліонъ, истраченный имъ для чести и славы отечества. Это адмиралъ Сенивинъ!“ А какъ онъ въ это время поравнялся съ нами, то Дмитрій Борисовичъ назвалъ его по имени и сказалъ ему: „зайди ко мнѣ“. Адмиралъ зашелъ. Мы всѣ трое пошли въ кабинетъ. Я, разумѣется, пошелъ по приглашенію хозяина. Сенивинъ пробылъ съ часъ; просто и открыто говорилъ онъ о своемъ крайнемъ положеніи, объ оскорбленіяхъ, имъ получаемыхъ, о своихъ надеждахъ, что когданибудь заплатятъ же ему и всѣмъ офицерамъ призовыя деньги, издержанныя ими на флотъ (этимъ дѣломъ занималась тогда особая коммиссія). Адмиралъ ушелъ (*). Не утверждаю, но мнѣ показалось, что Дмитрій Борисовичъ досталъ деньги изъ ящика и тихоенько отдалъ ихъ своему гостю и давнишнему пріятелю. Разсказъ адмирала произвелъ на меня такое глубокое и

горькое впечатлѣніе, котораго никогда нельзя забыть. Крестный отецъ досказалъ мнѣ всю исторію Русскаго съ ногъ до головы, славнаго нашего адмирала; разсказалъ и положеніе, до котораго онъ былъ доведенъ. „Сенивинъ, прибавилъ онъ въ заключеніе, доведенъ до того, что умеръ бы съ голоду, еслибъ не занималъ денегъ, покуда безъ отдачи, у всякаго, кто только дастъ, — не гнушаясь и синенькой; но у него есть книга, гдѣ онъ записываетъ каждую копѣйку своего долга, и конечно расплатится со всѣми, если когданибудь получитъ свою законную собственность“.

Въ 1809-мъ году я уѣзжалъ въ отпускъ въ Оренбургскую губернію и воротился въ Петербургъ въ первыхъ числахъ января 1810-го года. Крестный отецъ встрѣтилъ меня уже не холодно попрежнему, а напротивъ, очень ласково, и даже съ нѣкоторымъ чувствомъ. „Ну, братъ, сказалъ онъ мнѣ одинъ разъ, — кажется надобно будетъ службу бросить.“ — „Отчего же? спросилъ я съ удивленіемъ. Вы сами знаете, что приносите много пользы, и что государь объ васъ самаго лучшаго мнѣнія?“ — „Это правда, отвѣчалъ Дмитрій Борисовичъ, да бывший непосредственный начальникъ мой, графъ Аракчеевъ, всегда меня гнавшій, поставилъ меня въ такое униженное и вредное для меня и службы положеніе, что выйти въ отставку, даже прогнѣвавъ государя, сдѣлалось необходимою. Гр. Аракчеевъ всегда не любилъ меня; но особенно возненавидѣлъ за то, что я запретилъ Варварѣ Марковнѣ продолжать знакомство съ г-жею П., его фавориткой. Моя жена могла быть знакома съ этою дрянью, какъ и со многими другими; но какъ скоро эта дрянь сдѣлалась всемогущею собою у моего начальника, то моя жена уже не должна быть съ нею знакома. Г-жѣ П. уже отказывали три раза, она все продолжала вѣдить; въ четвертый я велѣлъ отказать такъ, чтобы она уже болѣе не пріѣзжала. Какъ нарочно такъ случилось, что сидѣлъ я на извѣстномъ тебѣ балконѣ, и со мной была Варвара

(*) Деньги точно были заплачены, только не помню, при жизни ли адмирала.

Марковна; вдругъ подѣзжаетъ открытая коляска, въ ней сѣдѣла г-жа П. Я не позволилъ женѣ уйти съ балкона, позвалъ человѣка и громко сказалъ ему, такъ что пріѣхавшая гостыя все до слова слышала: „скажи, что барыни нѣтъ дома“. Г-жа П. перестала ѣздить, и тутъ-то началось злобное преслѣдованіе меня. Превжній начальникъ, переставъ быть моимъ непосредственнымъ начальникомъ, сохранилъ всю свою силу и вмѣшивался во всѣ дѣла“.

Недѣли черезъ двѣ я пришелъ къ Дмитрію Борисовичу и хотѣлъ пройти къ нему въ кабинетъ уже безъ доклада; но человѣкъ сказалъ мнѣ, чтобъ я подождать, потому что въ кабинетъ какой-то генералъ, и что туда не приказано никому входить. Я какъ-то почувствовалъ, что это не даромъ, и сталъ дожидаться въ сосѣдней комнатѣ. Наконецъ дверь отворилась, и Дмитрій Борисовичъ, провожая генерала, спокойно, холодно и громко сказалъ: „И такъ доложите его сіятельству, что я не могу входить въ объясненіе по такимъ словеснымъ замѣчаніямъ. Если ему угодно будетъ сдѣлать ихъ на бумагѣ, то я стану оправдываться. Впрочемъ, зная, что я лично не правлюсь его сіятельству, я уже давно подалъ просьбу объ отставкѣ, которая лежитъ у министра. Я не хочу вредить мѣсту, которое занимаю, и губить себя безъ всякой вины“. — Дмитрій Борисовичъ разсказалъ мнѣ, что это уже не въ первый разъ, что его бывший начальникъ имѣлъ дерзость дѣлать ему выговоры черезъ своего адъютанта, что, разумѣется, онъ его не сталъ слушать, и что вотъ наконецъ онъ прислалъ съ тѣмъ же своего фаворита, генерала Капцевича. „Дѣлать нечего, надо рѣшительно выйти въ отставку, сказалъ онъ, — тутъ пользы не сдѣлаешь, а только наживешь

больше враговъ и долговъ, а у меня и такъ уже довольно и тѣхъ и другихъ“. Дѣйствительно, Дмитрій Борисовичъ вскорѣ оставилъ службу.

Прошло нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе которыхъ совершились вѣковыя, достопамятныя событія 1812-го года, и я даже не знаю, гдѣ жилъ въ это время мой крестный отецъ. Я увидѣлся съ нимъ уже въ 1816-мъ году, въ Москвѣ, въ собственномъ его домѣ, у Красныхъ воротъ, въ приходѣ Трехъ Святителей(*). Онъ не былъ еще тогда сенаторомъ; но говорилъ мнѣ, что желалъ бы занять эту должность. Всѣмъ извѣстно, что впослѣдствіи онъ занималъ ея. — Я уѣхалъ въ Оренбургскую губернію на десять лѣтъ и не видался уже болѣе съ моимъ крестнымъ отцомъ, скончавшимся въ 1824-мъ году.

Вотъ все, что сохранила моя память объ одномъ изъ достойнѣйшихъ людей прошедшаго времени.

1857 г. Января 20-го
Москва.

(*) Этотъ домъ стоитъ самымъ оригинальнымъ образомъ: онъ не на улицѣ, не въ переулкѣ и не на площади — къ нему ведетъ особый провѣздъ, точно какъ въ чувашскихъ деревняхъ. Въ этомъ домѣ, принадлежавшемъ послѣ кончины Дмитрія Борисовича Мертваго, сначала А. П. Елагинной, а потомъ покойному сыну ея, Ивану Васильевичу Кирѣевскому, домъ, воспѣтъ звучными стихами Языкова, — много лѣтъ собирався извѣстный кругъ московскихъ литераторовъ и ученыхъ. Сколько глубокихъ мыслей, свѣтлыхъ взглядовъ, честныхъ порывовъ любви къ просвѣщенію и литературѣ было высказано и принято въ этомъ домѣ!..... И какъ не много осталось въ живыхъ изъ прежнихъ его посѣтителей! Въ числѣ самыхъ горькихъ и снѣжихъ утратъ находятся достойные и незабвенные братья, И. В. и П. В. Кирѣевскіе.

СОДЕРЖАНІЕ ЗАПИСОКЪ Д. Б. МЕРТВАГО.

I. *Пугачевщина.* Появленіе Пугачевскихъ шекъ въ Алатырскомъ уѣздѣ, Сибирской губ. въ Іюль 1774 года. — Выѣздъ семьи Мертваго изъ ихъ имѣнія. — Трое сутокъ въ лѣсу. — Наставленія родителя. — Измѣна слуги. — Нападеніе крестьянъ. — 14 лѣтній Мертваго съ младшими братьями въ рукахъ возмущившихся крестьянъ. — Его везутъ въ секретари въ Пугачеву; хотять убить; онъ спасается бѣгствомъ. — Сострадательная Мордовка. — Вторичный плѣнъ. — Встрѣча съ матерью и своими въ Алатырѣ. — Подробности гибели отца. — Два воеводы, Бѣлокопытовы и Сердешевъ. — Помѣщеніе у подъячаго. — Голеніе отъ воеводы. — Игра въ войну. — Бригадиръ Пилъ. — Графъ П. И. Панинъ въ Алатырѣ. — Облегченіе участи, стр. 2 — 37.

II. *Служба въ Оренбургскомъ краю.* Первоначальное служебное прохожденіе. — Прокурорство. — Генераль-губернаторъ Игельстромъ. — Переходъ въ Уфу. — Совѣтничество въ губернскомъ правленіи. — Мѣры противъ Бухарскихъ лазутчиковъ. — Отъѣздъ Игельстрема въ Петербургъ. — Дѣло о мясномъ торговѣ въ Оренбургѣ. — Бухарскій посолъ. — Обѣздъ Башкирскихъ степей. — Ссора съ губернаторомъ Пеутлингомъ и чиновниками по дѣлу о мясномъ торговѣ. — Поѣздка въ Петербургъ. — Знакомство и дружба съ Державинымъ. — Возвращеніе въ Уфу. — П. И. Чичаговъ и его женитьба на сестрѣ Мертваго. — Другая поѣздка въ Петербургъ. — Е. Я. Державина. — Обезьяна князя Зубова. — Исходатайствованіе прощенія Чи-

чагову. — Уфимскій генерал-губернаторъ С. К. Вязмитиновъ. — Снабженіе провіантомъ пограничныхъ войскъ и поѣздка для того къ Башкирамъ. — Отпускъ и переѣздъ въ Петербургъ. — Сотрудничество Вязмитинову въ комиссаріатскомъ департаментѣ. — Исканіе новаго мѣста по службѣ и переходъ въ провіантскую, стр. 37 — 97.

III. *Служба въ Петербургѣ въ провіантскомъ ведомствѣ.* Безпорядокъ въ провіантской экспедиціи. — П. Х. Оболяниновъ. — Общество кн. Лопухина. — Руководительство Оболяниновымъ и неловкія къ нему отношенія. — Пожалованіе землею. — Кончина императора Павла. — Арестованіе Оболянинова. — Зубовы. — Событія въ царствованіе Павла. — Генераль-провіантмейстеръ Н. С. Свѣчинъ. — Поѣздка въ Литву и характеристика того края. — Экономическія отношенія къ Пруссіи. — Забота императора Александра о преступленіи злоупотребленій. — Оборона Оболянинова. — Упорство въ безкорыстіи и правдѣ. — Отзывъ гр. Толстаго о генераль-провіантмейстерскомъ мѣстѣ. — Прошеніе объ отставкѣ. — Уговоры Ламба. — Отставка. — Отецъ, въ сонномъ видѣніи, предостерегаетъ отъ взятокъ, стр. 98 — 154.

IV. *Служба въ Крыму.* Сношенія съ Злобинымъ. — Полученіе изъ казны денегъ за землю. — Леченіе въ Сарептѣ. — Державинъ опредѣляетъ Мертваго надзирателемъ Крымскихъ соляныхъ озеръ. — Ссора съ Сифоновымъ. — Поѣздка въ Петербургъ. — Гр. Кочубей. — Полученіе аренды. — Склонность къ В. М. Пол-

торацкой. — Ея мать. — Сватовство. — Засѣданіе у гр. Кочубея. — Габлицъ. — Женитьба и отправленіе въ Крымъ на губернаторскую должность. — Очеркъ исторіи Крыма въ политико-экономическомъ отношеніи. — И. В. Допухинъ. — Сутяжничество. — Баязеть-бей. — Борьба съ военнымъ губернаторомъ Розенбергомъ. — Подсылки въ Крымъ изъ Турціи. — Война и тяжкое положеніе Русской власти въ Крыму. — Назначеніе новаго муфтія. — Образование войска изъ Татаръ. — Уничтоженіе попытокъ къ возмущенію. — Мѣры къ оборонѣ Крыма. — Таярь-бей, его исторія, его повѣдка въ Петербургъ и политическіе замыслы. — Оставленіе Крыма, стр. 154 — 225.

V. *Служба въ должности генералъ-провіантмейстера.* Тогдашнее состояніе провіантской части въ Россіи. — Столкновеніе съ В. С. Поповымъ и прошеніе объ отставкѣ. — Приготовленія къ Шведской войнѣ. — Біографія и характеръ графа Аракчеева. — Сухари для войскъ. — Копьевъ. — Вторичное прошеніе объ отставкѣ. — Разговоръ съ государемъ. — Извиненіе Аракчеева. — И. Я. Бухаринъ. — Гоненіе на чиновниковъ, получившихъ мѣсто отъ Мертваго. (Шишковъ). — Вторичная повѣд-

ка въ Финляндію. — Опять прошеніе объ отставкѣ. — Выговоръ отъ государя и его неблаговоленіе. — Объясненіе съ Аракчеевымъ. — Требованіе законности въ дѣлахъ. — Работа по составленію законоположенія о провіантской части. — Повѣдка въ Прибалтійскій край и закупка провіанта у тамошняго дворянства. — 1808 годъ. Закупка провіанта въ Бѣлорусскомъ краю и Литвѣ. — Новыя формы шнуровыхъ книгъ. — Новое прошеніе объ отставкѣ. — Барклай де-Толли и его слабохарактерность. — Дѣло о ненужной закупкѣ провіанта. — Отставка. стр. 252—295.

VI. *Жизнь въ отставкѣ и сенаторство въ Москвѣ.* Дѣла хозяйственныя. — Покупка Клянского имѣнія, села Демьянова. — Повѣдка на родину. — Дѣло Лешерна и начѣты по оному. — Отношенія къ тещѣ. — 1812 годъ. — Разговоръ съ А. Д. Балашовымъ. — Спасеніе отъ Французовъ. — Повѣдка въ Петербургъ и сношенія съ властями о поступленіи опять на службу. — Посѣщеніе Демьянова импер. Марією Θεодоровною. — Письмо къ государю. — Сенаторство. — Местъ Аракчеева. — Ревизія Владимірской губерніи и Кавказа. — Ермоловъ. стр. 295—336.

ЗАПИСКИ Д. Б. МЕРТВАГО

Записки Д. Б. Мертваго обязательно сообщены въ Русскій Архивъ академикомъ В. П. Безобразовымъ, которому принадлежитъ самая рукопись. Начало Записокъ, именно разсказъ о Пугачевщинѣ, былъ уже напечатанъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1857. № 1, и тамъ же сообщено слѣдующее біографическое свидѣніе объ авторѣ Записокъ, составленное братомъ его, С. Б. Мертваго:

„Дмитрій Борисовичъ Мертваго родился 1760 года августа 5-го; въ службу вступилъ въ 1775 году. Съ 1787 по 1797 годъ былъ совѣтникомъ Уфимскаго Намѣстническаго Правленія; дѣятельность и справедливость его надолго сохранились въ памяти всѣхъ сословій губерніи. Съ 1797 по 1802 годъ былъ членомъ Провіантской Экспедиціи, гдѣ своими достоинствами и способностями обратилъ на себя вниманіе общества и сталъ извѣстенъ императору Павлу. Въ 1802 году опредѣленъ начальникомъ поступившихъ въ казенное управленіе Крымскихъ соляныхъ промысловъ, въ 1803 году Таврическимъ гражданскимъ губернаторомъ, 1807 генераль-провіантмейстеромъ, 1810 уволенъ по прошенію отъ службы. Въ 1817 году, назначенъ сенаторомъ въ Москву, гдѣ и скончался 23-го іюня 1824 года.

„Пыкій и основательный умъ, чтеніе, наблюдательность и способность соображать происшествія замѣнили ему недостатокъ ученія при воспитаніи. Къ удивленію всѣхъ знавшихъ его, онъ, дѣйствительно, ничему не учился. Чувствительное и доброе сердце, которое отражалось на открытомъ благовидномъ лицѣ его, веселый нравъ, ласковость въ обхожденіи, даръ слова, твердость и справедливость во всѣхъ дѣлахъ и случаяхъ, непоколебимая честность, совершенное безкорыстіе при всегдашнемъ недостаткѣ и при

многихъ случаяхъ обогатиться недозволеннымъ образомъ, дѣятельность въ исполненіи должностей, усердіе къ распространенію добра, привлекали къ нему всеобщую любовь и уваженіе даже отъ недоброжелателей и завистниковъ.

„Оставшись четырнадцать лѣтъ по смерти отца, онъ былъ попечитель и наставникъ сестрамъ и братьямъ, а потомъ и дѣтямъ ихъ, и не только словами и письмами, но и дѣломъ всегда доказывалъ искреннюю дружбу и вѣрную любовь къ нимъ.

„Кроткое и человѣколюбивое обращеніе съ служителями и отеческое попеченіе о спокойствіи и даже удовольствіи ихъ возбуждали въ нихъ усердіе служить и угождать ему, и при кончинѣ его они почувствовали, что лишились въ немъ благодѣтели.

„Дмитрій Борисовичъ въ 1804 году вступилъ въ бракъ съ Варварею Марковною Полторацкою, и имѣлъ трехъ сыновей и пять дочерей. Какъ истинно-милый отецъ, онъ былъ обожаемъ въ своемъ семействѣ“.

I. Пугачевщина.

Извѣстно, что отдаленный край нашего отечества раздираемъ былъ волненіемъ народа, въ пользу бунтовщика, назвавшагося царскимъ именемъ. Зло, тогда распространенное, потрясло основаніе государства, и хотя искоренено, но многимъ оставило въ памяти неизгладимыя черты ужаса и скорби.

Отецъ мой и мать, имѣя одну деревню въ Оренбургской губерніи, въ краю, гдѣ начался бунтъ, а другую Симбир-

ской губерніи, въ Алатырскомъ уѣздѣ, въ пятистахъ верстахъ оттуда, жили въ послѣдней. Зная только по слухамъ, что многіе изъ крестьянъ нашихъ вступили въ службу къ самозванцу и находятся при немъ, родители мои хотя и готовились потерять свое состояніе, но себя считали внѣ всякой опасности, принимая въ соображеніе разстояніе и мѣры, принятыя правительствомъ; но воля судьбы, невѣдомымъ для смертнаго путемъ все ведущая, опредѣлила быть тому иначе.

Пугачевъ, то поражаемый войсками, посланными для усмиренія мятежа, то усиливаемый новыми толпами злоумышленниковъ, долго, какъ нѣкій вихрь, носился въ горахъ и степяхъ малообитаемыхъ, и лѣтомъ 1774 года двинулся на сѣверъ и обложилъ Казань. Оборона жителей заставила его промедлить; разграбленное и сожженое имъ предмѣстіе послужило къ его неудачѣ; многочисленная чернь, составлявшая его шайку, вдалась въ пьянство и грабежъ; въ это время войска Михельсона настигли и разбили его, но не схватили самого злодѣя; онъ съ большимъ числомъ злоумышленниковъ бѣжалъ за Волгу къ Алатырю, въ тотъ спокойный край, гдѣ мы жили. Сначала онъ былъ не извѣстенъ, но черезъ нѣскольکو дней, по присоединеніи къ нему множества дворовыхъ людей и крестьянъ, явился близъ нашего селенія, знаменуя вездѣ свое шествіе кровопролитіемъ.

За три недѣли передъ этимъ матушка родила, и въ день, когда начались наши несчастія, 22-го іюля, праздновали мы ея именины. По деревенскому обыкновенію званы были гости, и уже столъ былъ накрытъ, какъ вдругъ отецъ мой получилъ письмо отъ пріятеля и сосѣда нашего, званого на праздникъ, который увѣдомлялъ, что

самозванецъ въ тридцати верстахъ отъ насъ, пришелъ въ господское селеніе, повѣсилъ прикащика и все имущество разграбилъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ батюшкѣ, что со всѣмъ своимъ семействомъ выѣхалъ, самъ не зная, куда судьба его поведетъ.

Собравшись на скоро, поѣхали мы въ городъ Алатырь, отстоящій въ сорока верстахъ отъ нашей деревни. Передъ вечеромъ, приближаясь къ городу, встрѣтили мы знакомаго, который сказалъ отцу моему, что Пугачевъ вступаетъ въ Алатырь, и народъ съ образами, хлѣбомъ и солью пошелъ ему на встрѣчу. Вѣсть эта была громовымъ для насъ ударомъ; надо было бѣжать, а куда, Богъ знаетъ. Усталость лошадей принудила насъ своротить въ сторону, мы выѣхали въ лѣсокъ, не далеко отъ дороги, гдѣ на пчельникѣ нашли одного только человека; у него въ избѣ провели ночь.

На разсвѣтѣ отправились мы, сами не зная куда. Пріѣхавъ въ первое селеніе, увидѣли множество народа, толпившагося по улицѣ. Окруживъ наши повозки, крестьяне остановили насъ и спросили, куда ѣдемъ и для чего; грубая ихъ рѣчи и наконецъ строгое требованіе, чтобы мы тотчасъ выѣхали изъ ихъ селенія, были для насъ первымъ знакомъ народнаго волненія и грозившей намъ опасности.

Выѣхавъ изъ села, поворотили мы въ маленькую мордовскую деревеньку, находившуюся близъ большаго лѣса; остановившись у знакомаго намъ Мордвина, узнали мы, что вся чернь волнуется, ожидая Пугачева, и что, не подвергая себя крайней опасности, нельзя намъ останавливаться ни въ какомъ селеніи. Освѣдомившись о дорогѣ, ведущей въ чащу лѣса, взявъ у Мордвина хлѣба, сколько у него испечено было, и телѣги вмѣсто каретъ,

пустились мы въ лѣсъ, единственное наше тогда убѣжище.

Часу въ десятомъ утра пріѣхавъ къ мельницѣ, находившейся въ самой дремучей части лѣса, остановились мы кормить лошадей. Въ это время батюшка познакомился съ мельникомъ и узналъ отъ него, что въ глубинѣ лѣса есть полянка, близъ которой протекаетъ рѣчка, верстахъ въ осьми отъ мельницы, а отъ ближайшихъ селеній верстахъ въ пятнадцати, что дорога туда такъ дурна, что не легко доѣхать до поляны, и что не многіе эту дорогу знаютъ. Добрый мельникъ согласился проводить насъ, обѣщая клятвенно не разглашать о томъ никому.

Едва къ вечеру могли мы доѣхать до того мѣста, гдѣ мельникъ, простившись съ нами, подтвердилъ свое обещаніе и сдержалъ его.

На другой день, рано поутру, батюшка пошелъ осмотрѣть окрестности нашего убѣжища. Найдя въ нѣкоторомъ разстояніи другую полянку, приказалъ перевести туда лошадей; на той же, гдѣ сами остались, сдѣлали шалашъ. Всѣмъ розданы были ружья и пистолеты, и положено было обороняться въ случаѣ нападенія.

Такъ пробыли мы трое сутокъ, не слыша ничего кромѣ птичьяго крику. Въ продолженіе этого времени почтенный родитель мой дѣлалъ намъ наставленія, основанныя на чистой добродѣтели; говорилъ намъ, что спокойствіе человѣка составляетъ все его блаженство, и что оно зависитъ отъ согласія поступковъ его съ совѣстію, что нарушивъ это согласіе для какихъ бы то ни было выгодъ, потрясаетъ онъ то драгоценное спокойствіе, котораго ничто замѣнить не можетъ. Примѣрами знакомыхъ намъ людей доказывалъ онъ, какъ пріобрѣтающій одиѣ временныя выгоды не наслаждается ими,

бывъ ежеминутно угрызаемъ совѣстію, еще не погасшею въ немъ.

Потомъ, прогуливаясь наединѣ со мною, говорилъ онъ, что если случится ему проститься со мной навѣки, то помнилъ бы я слова его, и наставлялъ бы братьевъ, которые были гораздо моложе меня, чтобы радѣлъ о своей душѣ и сердцѣ, и строго замѣчалъ свои склонности и поступки; совѣтовалъ не быть корыстолюбивымъ, говоря, что ни одинъ изъ предковъ нашихъ не былъ таковымъ, и наконецъ заклиналъ меня быть достойнымъ имени его, угрожая въ противномъ случаѣ Божескимъ наказаніемъ.

Единый Богъ можетъ быть свидѣлемъ движенія сердечныхъ чувствъ, и только всемогущая помощь Его въ состояніи сохранить человѣка отъ соблазновъ, дѣйствующихъ на сердце. Что желаю и стараюсь я быть достойнымъ моего родителя, это Богъ видитъ, но достоинъ ли и буду ли впредь достоинъ, того не знаю.

На четвертый день нашего пребыванія въ лѣсу, сталъ оказываться у насъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Незнаніе обстоятельствъ того времени, надежда, что вслѣдъ за бунтовщикомъ идутъ войска, поражавшія его всегда и вездѣ, а болѣе всего болѣзнь матушки, причиною которой были душевныя и тѣлесныя безпокойства, заставили батюшку послать одного изъ людей нашихъ въ ближнее селеніе для покупки припасовъ и для развѣдыванія, чтò тамъ происходитъ. Человѣкъ этотъ казался намъ вѣрнымъ, и дѣйствительно, я думаю, въ началѣ онъ не имѣлъ злаго умысла.

Пріѣхавъ въ селеніе, прискивалъ онъ купить, чтò ему было приказано, и вмѣстѣ съ тѣмъ развѣдывалъ о Пугачевѣ. Крестьянамъ это показалось страннымъ; по причинѣ повсемѣстна-

го тогда волненія никто ничего не покупалъ, а все бралъ даромъ и убивалъ слабѣйшаго за неисполненіе его требованія. И потому задержавъ его, стали разспрашивать, что онъ за человекъ и откуда; вѣроятно, собственная опасность заставила его сказать истину; тогда человекъ двѣсти жителей того селенія собрались противъ насъ; а онъ, показывая имъ дорогу, довелъ до того мѣста, гдѣ мы скрывались.

Приблизившись къ нашему убѣжищу, раздѣлились они на нѣсколько партій, окружили насъ, и напали вдругъ со всѣхъ сторонъ съ большимъ крикомъ. Въ эту несчастную минуту батюшка отдыхалъ въ шалаши; люди оробѣли и побѣжали; сестры, схвативъ подъ руки матушку, побѣжали въ лѣсъ; злодѣи кинулись на батюшку. Онъ выстрѣлилъ изъ пистолета, и хотя никого не убилъ, но заставилъ отступить; и схвативъ ружье, лежавшее возлѣ него, и трость, въ которой была вдѣлана шпага, — не видя никого изъ своихъ около себя, побѣжалъ въ чащу лѣса, закричавъ намъ: «прощай, жена и дѣти.» Это были послѣднія слова, которыя я отъ него слышалъ.

Въ большемъ страхѣ бросился было я вслѣдъ за батюшкой, но чаща лѣса раздѣлила насъ; не видя его, я бѣжалъ, самъ не зная куда. Запнувшись объ обгорѣлое дерево, лежавшее поперекъ дороги, упалъ я, и въ эту минуту, увидѣвъ возлѣ себя просторное дупло, вползъ въ него; чрезъ нѣсколько минутъ, почувствовавшись отъ страха, я слышалъ стрѣлянiе изъ ружей, и крикъ около себя: «ищите и бейте.»

Пролежавъ долгое время и не слыша болѣе никакого шума, рѣшился я выдти изъ дупла, долго оглядывался во всѣ стороны, прислушивался; наконецъ, не замѣчая никакого шума, пошелъ къ той полянѣ, гдѣ мы стояли.

Тутъ нашелъ я нѣсколько лоскутковъ изодраннаго бѣлья и окрававленный платокъ, по которому долженъ былъ заключить, что кто-либо изъ ближнихъ моихъ убитъ.

Теперь прошу читателя представить себѣ четырнадцатилѣтняго, избалованнаго и изнѣженнаго мальчика, въ лѣсу, передъ вечеромъ, незнающаго дороги, безъ всякаго оружія для обороны. Тутъ-то въ первый разъ послужили мнѣ наставленія моего родителя. Я молился, поручая себя волѣ Господа, обѣщалъ хранить завѣщаніе отца моего, плакалъ, не какъ испугавшійся ребенокъ, но какъ плачетъ взрослый отъ сокрушенія сердца, цѣловалъ окровавленные лоскутки, прощался со всѣми мѣстами, гдѣ я сиживалъ съ родителемъ, слушая его наставленія, и гдѣ видѣлъ я его въ послѣдній разъ; потомъ, взявъ палку, пошелъ по дорогѣ, гдѣ видны были слѣды повозокъ, сталъ смѣлѣе, и твердо былъ увѣренъ, что не погибну.

Пройдя нѣкоторое разстояніе, и какъ стало уже смеркаться, слышалъ я шорохъ въ сторонѣ, и опросилъ. Голось мой узнали мои братья, изъ которыхъ одному было десять, а другому семь лѣтъ. Они прибѣжали ко мнѣ, и съ ними наша няня; мы чрезвычайно другъ другу обрадовались, и не зная куда идти, остались ночевать подъ деревомъ.

Поутру, лишь только стало свѣтать, пошли мы по дорогѣ, не зная куда она ведетъ. Уже солнце высоко поднялось, когда приблизились мы къ рѣчкѣ, берегомъ которой шла дорога; прелестныя мѣста кругомъ, небольшія полянки, пріятный утренній воздухъ и повсемѣстная тишина заставили было насъ забыть ужасное наше положеніе, но вдругъ услышали мы страшный крикъ: «ловите, бейте.» Я схватилъ за

руку одного брата, бросился къ рѣчкѣ и скрылся въ густой травѣ у береговъ, а няня съ меньшимъ братомъ моимъ побѣжала по дорогѣ. Злодѣи, принявъ ее за дворянку, погнались за нею, и одинъ изъ нихъ ударилъ ее топоромъ; въ испугѣ она подставила руку, которая однако ее не защитила; остріе, разрубивъ часть ладони, вонзилось въ плечо; страшный крикъ сильно тронулъ мое сердце. Въ то же время слышу я вопль брата, котораго схватили и спрашивали, куда мы побѣжали. Не зная, что я дѣлаю, я откликнулся и выскочивъ изъ травы, явился къ нимъ; они спросили мое имя, сказали, что знаютъ батюшку, но что съ нимъ сдѣлалось, не слышали; потомъ, сняли съ насъ все платье и обувь и не дѣлая болѣе никакихъ грубостей, отпустили въ однихъ рубашкахъ, показавъ дорогу на мельницу, которая была не далеко.

Обезсилавшую отъ раны, а болѣе отъ испуга няню нашу поднялъ я и повелъ подъ руку къ мельницѣ. Когда мы подошли къ плотинѣ, напали на насъ двѣ большія собаки, отъ которыхъ, конечно, мы бы не въ силахъ были защититься, если бы мельникъ не прибѣжалъ къ намъ на помощь. Этотъ добрый человекъ, узнавъ, что мы дворяне, откровенно сказалъ что нянюшка можетъ остаться у него, а насъ онъ принять не смѣетъ, боясь быть за то убитымъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Но когда мы сказали ему, что сутки ничего не ѣли, то онъ пригласилъ насъ на мельницу и обѣщалъ дать молока и хлѣба.

У мельничнаго анбара, намъ дали по большому куску хлѣба и по ложкѣ, и поставили кринку молока; лишь только принялись мы за пріятную для голоднаго работу, какъ вдругъ жена мельника закричала: «ай! казаки, казаки!»

Оглянувшись, мы дѣйствительно увидѣли толпу приближавшагося народа; я испугался чрезвычайно и не помню, какъ спрятался съ братьями подъ мельницу.

Толпа эта, увидя няню нашу, окровавленную, лежавшую на землѣ у мельничнаго анбара, спросила мельника, что это значитъ; онъ сказалъ всю правду и указалъ мѣсто, гдѣ мы спрятались. Двое изъ толпы спустились по лѣстницѣ и вынесли на рукахъ братьевъ моихъ; третій, взявъ меня за волосы, потащилъ за собою на лѣстницу, а четвертый въ это время билъ меня сзади палкою.

Я увидѣлъ всю толпу у мельничнаго анбара; насъ поставили въ средину ея и стали произносить приговоръ. Всякъ говорилъ свое и предлагалъ, какъ меня убить; а братьевъ, какъ малолѣтныхъ, отдать бездѣтнымъ мужикамъ въ пріемыши. Нѣкоторые предлагали бросить меня съ камнемъ на шею въ воду; другіе — повѣсить, затрѣлить или изрубить; тѣ же, которые были пьянѣе и старше, вздумали учить надо мною молодыхъ казаковъ, не привыкшихъ еще къ убійству. Слыша эти разсужденія и ругательства, я ничего не говорилъ и уже готовился къ смерти; но тутъ одинъ изъ толпы сказалъ, что будучи въ городѣ, получилъ онъ отъ самозванца приказаніе привести къ нему дворянина, мальчика лѣтъ пятнадцати, умѣющаго хорошо читать и писать, за котораго обѣщалъ дать 50 рублей награжденія. Это предложеніе было всѣми тотчасъ принято, меня начали экзаменовать, заставляли писать углемъ на доскѣ, задавали легкія задачи изъ арифметики, и наконецъ признали достойнымъ занять важное мѣсто секретаря у Пугачева. Снисходя на мою просьбу, они согласились не разлучать меня съ братьями.